

МИЛАН МАРИКОВИЧ

МАТРИАРХАТ
КРАСОТА
ВЛАСТЬ
ПРАВИЛА
ТЕРПЕНИЕ

ЖИЗНЬ БЕСПИЛОТНИКА

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ
О СЛОЖНОЙ ЖИЗНИ В МАТРИАРХАТЕ

Милан Марилович

Жизнь беспилотника

«Автор»

2026

Марикович М.

Жизнь беспилотника / М. Марикович — «Автор», 2026

Виктора Пашина выдали миру в тумане перинатального центра, чипировали при рождении и с тех пор им кто-то управлял: воспитательницы, отличницы, жёны, коучи по личностному росту, бизнес-леди и стартаперши на эко-прокладках. Пилотку — символ права управлять — ему не дали ни разу. Зато у него есть свой личный помощник по имени Олег, который советует некстати, теряется в лесах под Борисовом и вообще развивается чуть медленнее хозяина — совсем как сам Виктор. К пятидесяти годам Виктор понимает главное: он не пилот. Он беспилотник. Управляемый, экономичный, легко заменяемый. Но однажды на Кремлёвской площади с ним что-то случается — и Олег пропадает на два дня, а Виктор впервые в жизни остаётся один со своими мыслями. Дальше — курсы операторов беспилотных летательных аппаратов для мужчин за пятьдесят, тренажёр, экзамен и первый полёт, после которого мир с высоты птичьего полёта выглядит подозрительно похожим на муравейник.

© Марикович М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Рождение в тумане	5
Глава вторая. Детский сад «Управляемая игрушка»	10
Глава третья. Урок «Основы женской логики»	14
Глава четвёртая. Первый опыт «Пилотирования»	19
Глава пятая. Университет. Специальность «Оператор-ассистент»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Милан Марикович

Жизнь беспилотника

Глава первая. Рождение в тумане

Виктор Васильевич Пашин появился на свет в четверг, в два часа семнадцать минут ночи, в перинатальном центре «Аист и партнёры», в родильном зале номер три, при заполненности отделения на девяносто процентов и очереди в буфет на первом этаже, где даже ночью продавали морковные оладьи с подписью «для будущих лидеров».

Роды принимал акушер по фамилии Крыжовников — мужчина лет сорока, с усталыми глазами человека, который выбрал редкую для мужчины профессию и каждый день объяснял родственникам, что да, мужчины тоже умеют. Рядом суетилась вторая акушерка, помоложе, в форменной пилотке защитного зелёного цвета, какую полагалось носить всем женщинам с медицинским образованием второй категории. Пилотка сидела на ней ровно, без единой складки, будто по линейке, и это внушало Маргарите — матери будущего Виктора — гораздо больше доверия, чем диплом на стене.

Коридор перинатального центра «Аист и партнёры» в эту ночь был обставлен вполне буднично: на стенах висели плакаты с улыбающимися девочками в разноцветных пилотках и подписью «Будущее рождается здесь», у поста дежурной медсестры мигал монитор с очередью пациенток, а в комнате ожидания для отцов негромко бормотал телевизор, транслирующий ночную передачу о правильном питании беременных. Отцов в комнате ожидания не было — их пускали туда чисто номинально, для порядка, а сами они, как правило, сидели дома у экранов, потому что таковы были правила хорошего тона со времён, которых уже никто толком не помнил.

— Мальчик, — сказал Крыжовников, вынимая ребёнка и глядя на него без особого удивления, потому что удивляться в его профессии было уже нечем. — Три тысячи двести граммов, пятьдесят два сантиметра. Голосит нормально.

— Готово, — добавила акушерка в пилотке, делая пометку на планшете. — Ещё один в очередь на биржу труда.

Она сказала это без злого умысла, просто по привычке, как говорят «доброе утро» или «следующий». Так в этом мире говорили про мальчиков с самого их появления: буднично, хозяйски, как про партию товара, которую нужно принять, взвесить и оформить документами.

Сам Крыжовников выбрал профессию акушера двадцать лет назад, вопреки настойчивым советам собственной матери, которая предлагала ему что-нибудь понадёжнее — например, курсы по уходу за детьми состоятельных заказчиц или профессию личного водителя. Но Крыжовникову нравилось именно это дело, хотя он давно смирился с тем, что каждый второй родственник в родильном зале первым делом уточняет с некоторым сомнением: «А вы точно справитесь, вы же мужчина?» — на что он неизменно отвечал, что руки у него растут откуда положено и справляется он не хуже коллег в соседних кабинетах, у которых на голове положенная по уставу форменная пилотка, а у него — только шапочка из нестерильной ткани, потому что пилотки полагались лишь женщинам медицинского персонала, вне зависимости от квалификации.

Пока Крыжовников заполнял карту новорождённого, в коридоре у справочной кто-то из персонала уже дозванивался бабушке Виктора со стороны Маргариты — Антонине Кузьминичне, женщине почтенного возраста, чья пилотка, серая, потёртая, с застёжкой на затылке, была ей ровесницей чуть ли не с юности и с тех пор ни разу не покидала её головы, разве что на ночь.

— Мальчик, — сообщила ей дежурная медсестра коротко, по протоколу. — Три двести, здоровый.

— Слава богу, не девочка, — ответила Антонина Кузьминична с искренним облегчением в голосе, чем немало озадачила молодую медсестру. — С девочкой сколько хлопот, а мальчик — что, вырастет, устроится куда-нибудь, будет тихий. Передайте Марго, пусть отдыхает, я подъеду завтра с пирогом.

Медсестра вежливо попрощалась и повесила трубку, мысленно отметив, что старшее поколение вообще странно рассуждает — впрочем, эта мысль улетучилась из её головы уже через минуту, потому что в соседнем зале как раз начинались ещё один роды.

Маргарита Пашина, женщина решительная и подтянутая даже сразу после родов, взяла с прикроватного столика планшет — не для того чтобы посмотреть на сына, а чтобы свериться с планом развития, который она составила ещё на третьем месяце беременности. План назывался «Виктор. Дорожная карта. Первые восемнадцать лет» и был расчерчен по кварталам, будто квартальный отчёт какого-нибудь среднего предприятия. Первым пунктом в графе «сегодня» значилось: «Установка чипа. Подбор помощника. Контроль показателей».

— Принесите его сюда, — сказала Маргарита, не отрываясь от экрана, — и позовите специалиста по установке.

Пилотка на её голове — белая, с двумя тонкими золотыми полосками по краю, положенная замужним женщинам с высшим образованием — не шелохнулась, даже когда медсестра положила ей на грудь тёплый свёрток с новорождённым сыном. Маргарита придержала свёрток одной рукой, а другой продолжала листать план, сверяя графики роста с показателями соседки по палате, у которой родилась девочка и которой, соответственно, предстояла совсем другая, куда более обнадёживающая дорожная карта.

Отца будущего Виктора, Василия Игоревича Пашина, в родильный зал, разумеется, не пустили — не по медицинским показаниям, а потому что не было такой традиции. Мужчинам полагалось присутствовать на родах по видеосвязи, с кухни, чтобы, как объясняла Маргарита ещё до свадьбы, «не мешать процессу и заодно приготовить что-нибудь горячее к возвращению».

Экран небольшого планшета, прислонённого к банке с зажигательной смесью для борща, показывал Василия Игоревича в фартуке, взмокшего, с деревянной ложкой в руке и совершенно несчастным выражением лица человека, который узнал о рождении собственного сына одновременно с новостью о том, что свёкла подгорает.

— Поздравляю, — сказал Василий Игоревич куда-то в сторону камеры, не совсем понимая, куда смотреть. — Мальчик, значит. Хорошо, хорошо.

За его спиной, на кухонной стене, висела распечатанная таблица дежурств по дому на месяц вперёд, составленная Маргаритой ещё в прошлый вторник и подписанная им самим — согласия, впрочем, никто особо не спрашивал, таблицу просто повесили и сообщили, что вопросы принимаются в письменном виде через приложение для семейного планирования.

— Свёкла, — сказал Василий Игоревич ещё раз, будто это слово могло что-то объяснить миру, и отключился, потому что кастрюля начала выкипать по-настоящему.

Тем временем в родильном зале появился специалист по установке — молодой человек в белом халате, с чемоданчиком, похожим на те, с которыми ходят настройщики роялей. Звали его, судя по бейджу, Тимур Германович, и был он одним из немногих мужчин в стране, кому доверяли работу с оборудованием такого уровня деликатности — не потому что мужчины были особенно способны к этому, как объясняла позже Маргарита знакомым, а потому что работа эта была грязная, требовала сидеть согнувшись над младенцем два часа подряд, и желающих среди женщин особо не находилось.

— Стандартная процедура, — сказал Тимур Германович, раскладывая инструменты. — Устанавливаем чип в теменную область, подключаем к формирующейся нервной системе,

дальше помощник будет расти вместе с ребёнком. Развитие происходит параллельно, в среднем помощник немного отстаёт от хозяина в первые годы, потом выравнивается. У некоторых, — тут он сделал паузу и с сомнением посмотрел на бумаги, — не выравнивается никогда, но это редкость, один случай на несколько тысяч.

— А почему вообще этим занимаются мужчины? — спросила Маргарита не столько из любопытства, сколько по привычке проверять любого специалиста на прочность. — Такая тонкая работа, ответственная.

— Тонкая — да, ответственная — да, — согласился Тимур Германович, ничуть не обиженный, потому что вопрос этот ему задавали, наверное, чаще, чем спрашивали его собственное имя. — Но сидячая, кропотливая, две смены подряд над столом с лупой, платят по тарифной сетке ниже среднего. Женщины на такую работу особо не идут, у них перспективы получше. А нам подходит, руки не дрожат, глаза привыкшие. Держите голову ровно, пожалуйста, — обратился он уже к младенцу, хотя младенец, разумеется, ничего не держал и ни на что не реагировал, кроме собственного недовольства ярким светом ламп.

Он раскрыл чемоданчик, где на бархатной подложке лежали инструменты размером чуть больше швейной иглы, и матовая капсула самого чипа — не крупнее рисового зёрнышка, но, как объяснил Тимур Германович, способная за свою жизнь обработать больше информации, чем вся библиотека областного значения.

— А если помощник попадётся, скажем так, со странностями? — спросила Маргарита, листая план развития дальше. — Это можно исправить?

— Можно попробовать перепрошить в раннем возрасте, лет до семи, — ответил Тимур Германович, — потом система срастается с личностью хозяина настолько, что разделить их уже почти невозможно, и лучше не пытаться, себе дороже. У меня был случай — хозяин рос обычным мальчиком, а помощник упорно советовал ему собирать грибы, представляете, в самых неподходящих ситуациях. Так и живут теперь вместе, привыкли.

Маргарита на этот рассказ отреагировала сухим кивком, означавшим примерно следующее: очень интересно, но меня это не касается, у моего сына всё будет иначе, потому что я лично прослежу за планом развития.

— Меня интересует не помощник, — сказала Маргарита, — а показатели интеллекта. Мы рассчитываем на инженерное направление, возможно, управленческое, если получится добиться исключения по возрасту.

— Управленческое направление мальчикам не положено по уставу учебных заведений, — вежливо, но твёрдо напомнил Тимур Германович.

— Я в курсе устава, — ответила Маргарита тем же тоном, каким полчаса назад диктовала акушерке размер будущей детской кроватки. — Но уставы меняются, если знать, к кому обращаться.

Процедура заняла ровно сорок минут. Виктор — тогда ещё безымянный свёрток, потому что имя выбирали по итогам голосования в семейном чате, где решающий голос, разумеется, принадлежал Маргарите, — прооперировал эту сорокаминутную вечность с достоинством, свойственным всем новорождённым: он проспал большую её часть, изредка просыпаясь, чтобы выразить недовольство миром в целом.

Когда чип встал на место и датчики показали зелёный сигнал, Тимур Германович отступил на шаг и произнёс формулу, которую произносил уже, наверное, тысячный раз в жизни:

— Поздравляю, у вашего сына появился личный помощник. Как назовёте?

Маргарита на секунду задумалась. Ей хотелось имени солидного, будущего руководителя, но устав не одобрял громких имён для мальчиков — считалось, что это создаёт ложные ожидания.

— Пусть будет Олег, — сказала она наконец, без особого энтузиазма, тем же тоном, каким выбирала обои для прихожей. — Простое имя, не создаёт проблем.

Так у младенца Виктора появился Олег — существо без тела, без лица, без права голоса в семейном чате, но с прямым доступом к самым сокровенным закоулкам ещё не сформировавшегося мозга своего будущего хозяина. Первые слова, которые Олег произнёс внутри головы новорождённого — беззвучно, потому что произносить их вслух ему только предстояло научиться, — были, если верить внутреннему протоколу устройства, следующими: «Система запущена. Уровень тревожности хозяина: высокий. Рекомендация: молоко. Дополнительная рекомендация: не переживать, всё наладится примерно через полвека».

Никто, разумеется, эту рекомендацию не услышал. Устройства такого уровня выдавали первые несколько лет только служебные сигналы врачам, а не полноценную речь — эта функция включалась позже, по мере созревания коры головного мозга. Но специалисты потом, годы спустя, разглядывая архивные записи первого протокола, качали головами и говорили, что для новорождённого чипа это была на редкость странная первая фраза: обычно система советовала что-нибудь про температуру в палате или влажность воздуха, а не заглядывала на полвека вперёд.

Маргарита, впрочем, ничего этого не знала и знать не хотела. Она забрала у медсестры свёрток, придирчиво осмотрела место установки чипа — аккуратный, едва заметный шрам за левым ухом, — и удовлетворённо кивнула. Всё было сделано вовремя, по уставу, без опозданий.

— Отлично, — сказала она вслух, обращаясь не то к ребёнку, не то к пустой палате. — Теперь можно заняться остальным.

«Остальным» в переводе с языка Маргариты Пашиной означало: закончить квартальный отчёт по проекту под названием «Виктор», позвонить свекрови и сообщить радостную новость в две минуты, не больше, потому что впереди было ещё оформление документов на льготы для семей с сыновьями, а очередь в соответствующем кабинете начиналась с раннего утра.

Пилотка на голове Маргариты за все два часа родов так и не сбилась ни на миллиметр. В этом мире так было устроено: женщине давали пилотку при рождении раз и навсегда, вместе со свидетельством, и снять её можно было при большом желании — либо по глупости, либо по любви, — но терять с плеч, случайно, от суеты, от волнения, от родов — такого не бывало никогда. Пилотка держалась крепче, чем большинство браков в этом городе.

Позже, когда всё оборудование было убрано, а Тимур Германович, попрощавшись, покатил свой чемоданчик в соседний зал, где как раз тоже кто-то родился, дежурная медсестра заглянула к Маргарите с бумагами на подпись — согласие на установку, справка для получения пособия, анкета для будущего детского сада, куда полагалось вставать в очередь буквально с первых суток жизни, иначе к пяти годам свободных мест не оставалось вовсе.

— Распишитесь здесь, здесь и вот здесь, — сказала медсестра, водя пальцем по бланкам. — И ещё, если хотите, можно сразу оформить льготную путёвку в детский лагерь для мальчиков «Юный помощник», у них скидка для новорождённых, оформивших документы в первую неделю.

— Оформляйте, — не глядя ответила Маргарита, подписывая бумагу за бумагой с той скоростью, с какой обычно подписывают счета за электричество. — Пусть будет.

Тем же вечером, когда Маргариту с сыном перевели в общую палату, где вдоль стен на разной высоте моргали датчики новорождённых, соседка по палате, мать девочки, поинтересовалась через занавеску, как называли мальчика.

— Виктор, — ответила Маргарита. — В честь победы. Не своей, разумеется, — добавила она без тени иронии, — просто красивое слово.

Соседка понимающе покивала пилоткой — розовой, девичьей, с вышитой звёздочкой на боку, положенной новорождённым сразу, безо всяких церемоний, — и вернулась к разговору со своей дочерью, которая, разумеется, тоже пока ничего не понимала, но чья пилотка уже была прочно закреплена медицинской заколкой на крохотной, покрытой мягким пушком голове.

Виктор Васильевич Пашин лежал в своей кровати, ничего не понимая ни про пилотки, ни про чипы, ни про дорожные карты, ни про свёклу, которая в тот вечер, к слову, всё-таки подгорела окончательно, и Василию Игоревичу пришлось заказывать готовый борщ в кулинарии за углом, чтобы жена, вернувшись домой через положенные трое суток, не заметила подмены.

А где-то глубоко в его теменной области, в самом первом, младенческом слое ещё не окрепшей нервной системы, тихо, никем не услышанный, проснулся Олег — и приготовился прожить с этим человеком всю его жизнь, шаг в шаг, а иногда, как выяснится довольно скоро, на полшага позади.

Глава вторая. Детский сад «Управляемая игрушка»

К пяти годам Виктор Пашин уже неплохо ориентировался в устройстве мира, насколько вообще может ориентироваться в устройстве мира человек, чей самый серьёзный жизненный опыт до этого сводился к горшку, манной каше и редким прогулкам во дворе под присмотром бабушки Антонины Кузьминичны. Детский сад назывался «Управляемая игрушка» — вывеска у входа изображала весёлого плюшевого зайца, послушно сидящего на ниточке, которую держала рука в белой перчатке, — и располагался в двух автобусных остановках от дома, в приземистом здании с окнами, выкрашенными в бодрый жёлтый цвет.

Заведующая садиком, Регина Аркадьевна, женщина внушительных габаритов и ещё более внушительного голоса, лично встречала каждую новую группу родителей в первый день и произносила краткую, но содержательную речь о принципах воспитания, принятых в заведении.

По коридору «Управляемой игрушки» тянулись стенды с достижениями воспитанниц: аппликации на тему «Моя будущая карьера», где девочки рисовали себя за огромными письменными столами, отдающими распоряжения целым толпам одинаковых человечков, и грамоты за победы в ежегодном конкурсе ораторского мастерства среди старших групп. Для мальчиков подобных конкурсов не проводилось, зато раз в квартал устраивался смотр аккуратности, на котором оценивалось умение ровно сложить одежду в шкафчике и без напоминаний вымыть за собой чашку.

— Мы придерживаемся раздельного подхода, — говорила заведующая, поправляя форменную пилотку тёмно-синего цвета с золотым кантом, положенную заведующим по всей области. — Девочки развивают лидерские качества, мальчики — навыки поддержки. Это не наша прихоть, это, простите, законы природы, подтверждённые исследованиями, которые лично я, признаться, не читала, но доверяю тем, кто читал.

Маргарита, приведшая сына в первый день с тем же выражением лица, с каким сдавала документы в архив, кивнула одобрительно. Ей нравился порядок, а порядка в «Управляемой игрушке» было ровно столько, сколько полагалось для заведения такого уровня: расписание, разбитое на пятнадцатиминутные отрезки, стенд с фотографиями лучших воспитанниц месяца — исключительно девочек — и отдельная маленькая доска почёта для мальчиков под названием «Тихие помощники», куда фотографии клеили за особые заслуги вроде аккуратно сложенных игрушек или своевременно поданной чашки компота воспитательнице.

Виктора определили в среднюю группу, к воспитательнице по имени Зинаида Романовна — женщине лет тридцати пяти, с усталым, но добрым лицом и пилоткой, немного сбившейся набок, потому что за долгие годы работы Зинаида Романовна давно перестала следить за такими мелочами, как идеальная посадка форменного головного убора, сосредоточившись на вещах поважнее, вроде того, чтобы никто из двадцати детей не засунул фасолину в нос.

В первый же день Виктор увидел, как устроена жизнь группы. В игровой комнате стояли два больших ковра разного цвета: розовый и синий. На розовом девочки играли в игру под названием «Совет директоров» — рассаживались в кружок на маленьких стульчиках, каждая держала в руках игрушечный телефон и по очереди произносила решительные фразы вроде «переносим совещание на четверг» или «увольте его, он не справляется», после чего остальные девочки одобрительно кивали. На синем ковре мальчики играли в игру под названием «Офисные планктоны» — сидели тихо на полу, изредка передавая друг другу игрушечные кружки, и по сигналу воспитательницы вставали, чтобы молча раздать эти кружки девочкам на розовом ковре, после чего возвращались на своё место.

— Витюша, иди сюда, будешь разносить чай, — позвала его в первый день Зинаида Романовна, ласково потрепав по голове.

Виктор, воспитанный дома в атмосфере строгого следования расписанию, послушно взял пластмассовый поднос с игрушечными чашками и пошёл разносить чай девочкам на розовом ковре, искренне не понимая, почему это занятие называется игрой, а не просто работой, которую почему-то нужно делать бесплатно и с улыбкой.

Настоящие проблемы начались через две недели, когда в группу привезли новый набор строительных кубиков — большой, разноцветный, с деталями всех форм и размеров, специально заказанный Региной Аркадьевной к отчётному кварталу для демонстрации родителям на дне открытых дверей. Кубики выставили посреди игровой комнаты, ровно на границе между розовым и синим коврами, и Зинаида Романовна объявила, что сегодня будет свободная игра.

Виктор, ни секунды не раздумывая, устремился к кубикам. У него давно, ещё с домашних игр с бабушкой, была своя тайная мечта — построить башню выше, чем он сам, чтобы наконец почувствовать себя не тем, кем его считали все вокруг, а кем-то значительным, возвышающимся над остальными хотя бы на голову. Он начал старательно, один за другим, укладывать кубики друг на друга, подбирая их по размеру и цвету, придирчиво выравнивая каждый этаж, будто строил не игрушечную башню, а настоящий дом.

Башня росла. К тому моменту, когда она достигла Виктору примерно до пояса, вокруг начали собираться другие дети — и девочки с розового ковра, оставившие на время свой «Совет директоров», и мальчики с синего, побросавшие пластмассовые чашки. Даже Зинаида Романовна, до этого момента увлечённо разговаривавшая по телефону с методистом, отвлеклась и подошла посмотреть.

Один из мальчиков, худенький и молчаливый Костик, набравшись храбрости, подошёл поближе и протянул Виктору синий кубик с круглым отверстием, явно предлагая помощь. Виктор благодарно кивнул и приладил кубик к очередному этажу, и на короткое, почти незаметное мгновение в игровой комнате возникло что-то похожее на настоящее совместное дело, без разделения на ковры и роли, — просто двое детей строили нечто общее, потому что это было интересно.

— Смотрите, какая высокая, — сказала одна из девочек с явным восхищением в голосе.

Виктор, вдохновлённый вниманием, потянулся за очередным кубиком, чтобы сделать башню ещё выше, но в этот момент раздался голос Регины Аркадьевны, которая как раз проводила экскурсию для родителей будущих воспитанников и, услышав шум, заглянула в игровую комнату.

— Что здесь происходит? — спросила заведующая тем тоном, каким обычно интересуются, откуда на ковре взялось подозрительное пятно.

— Виктор строит башню, — объяснила Зинаида Романовна с некоторой растерянностью, потому что не совсем понимала, в чём проблема.

— Мальчик строит башню, — повторила Регина Аркадьевна, обращаясь уже не к воспитательнице, а к притихшим родителям за спиной, будто демонстрируя им наглядный пример того, как не должно быть устроено воспитание. — Зинаида Романовна, объясните ребёнку, пожалуйста, что строительство — это занятие для будущих руководителей, а руководителями у нас, простите, становятся девочки. Мальчикам полезнее осваивать другие, более подходящие им навыки.

Зинаида Романовна виновато присела рядом с Виктором и, стараясь говорить как можно мягче, забрала у него из рук очередной кубик.

— Витюша, солнышко, — сказала она, — строить карьеру должны девочки, у них к этому склонность природная. А тебе, мальчику, гораздо важнее научиться делать что-то полезное руками — вот, смотри, как красиво можно подавать кофе, — и она тут же, для наглядности, взяла у кого-то из детей игрушечную чашку и показала Виктору, как следует держать блюдце, чтобы оно не дребезжало.

Виктор смотрел на свою наполовину разобранный башню, которую тем временем уже растаскивали по кубикам две девочки, перенося детали на розовый ковёр для собственных нужд, и чувствовал что-то очень похожее на обиду, хотя слова «обида» в его пятилетнем словаре ещё не было, был только тугой ком где-то в области горла.

В этот момент внутри его головы, впервые за всю его короткую жизнь, раздался голос — тихий, слегка скрипучий, будто плохо настроенное радио, — и произнёс свою первую в жизни фразу, адресованную непосредственно Виктору, а не служебному протоколу врачей:

«Рекомендация: отойти в сторону и не мешать. Так эффективнее».

Виктор от неожиданности вздрогнул и завертел головой, ища источник звука, но никто из окружающих, разумеется, ничего подобного не услышал — голос помощника звучал исключительно внутри головы своего хозяина, и Зинаида Романовна, заметив, что мальчик крутится, ласково придержала его за плечо, решив, что он просто расстроился из-за кубиков.

— Кто здесь? — тихо спросил Виктор одними губами, ни к кому конкретно не обращаясь.

Ответа не последовало — Олег, судя по всему, уже израсходовал ресурс, отпущенный ему на первую фразу, и снова замолчал на неопределённый срок, погрузившись в то, что специалисты потом назовут периодом раннего молчаливого созревания.

Спасти хоть немного самоуважения Виктору удалось при помощи собственной маленькой хитрости. Пока Зинаида Романовна отвлеклась на разговор с заведующей, объясняя ей, что инцидент исчерпан и подобное больше не повторится, Виктор незаметно поднял с пола один-единственный кубик — маленький, зелёный, из самой верхней, ещё не разобранный части башни, — и сунул его себе в носок, туго натянув сверху штанину. Это был не самый удобный способ хранения строительных материалов, кубик неприятно давил на щиколотку весь оставшийся день, но зато это была первая в жизни Виктора маленькая, никем не замеченная контрабанда — тайный акт неповиновения, который он так и не довёл до конца, потому что вечером, переодеваясь дома, испугался, что мать заметит пропажу казённого имущества, и на следующий день тихонько вернул кубик обратно в общую коробку, когда никто не смотрел.

Впрочем, не все в группе воспринимали правила настолько покорно, как Виктор. Был в их группе мальчик по имени Стёпа, сын одинокой матери, которая, по слухам, распространяемым среди родителей на детской площадке, воспитывала сына в вольном, почти богемном духе. Однажды Стёпа явился в детский сад в старой пилотке своей старшей сестры — судя по всему, найденной дома в шкафу и надетой исключительно из мальчишеского любопытства, без всякого злого умысла. Пилотка была ему велика, съезжала на глаза, и весь путь до садика Стёпа, по собственному признанию, чувствовал себя настоящим капитаном корабля.

Реакция последовала мгновенно. Зинаида Романовна, увидев Стёпу в дверях группы, ахнула так, будто увидела нечто среднее между пожаром и нашествием саранчи, и в первую же секунду сдёрнула пилотку с его головы обеими руками.

— Ты не заслужил, — произнесла она с неожиданной для её мягкого характера твёрдостью, пряча пилотку в карман фартука, чтобы вернуть её вечером матери мальчика вместе с устным замечанием о недопустимости подобных экспериментов.

Стёпа расплакался, остальные дети притихли, а Виктор, наблюдавший эту сцену издали, отчётливо запомнил простую истину: пилотка — это не просто головной убор, это что-то вроде пропуска в другой, более важный мир, и мальчикам туда вход воспрещён без специального разрешения, о содержании которого пятилетний Виктор пока не имел ни малейшего представления.

Вечером, когда мать Стёпы пришла его забирать, Зинаида Романовна отвела её в сторону и негромко, но настойчиво объяснила, что подобные эксперименты с примеркой пилотки недопустимы даже в шутку, потому что дети в этом возрасте плохо различают игру и действительность, а значит, могут вырасти с неправильными представлениями о собственном месте в жизни. Мать Стёпы виновато кивала, забирая у воспитательницы завернутую в целлофано-

вый пакет пилотку, а сам Стёпа, уже успокоившийся, всю дорогу домой держался за подол её пальто, то и дело оглядываясь на окна детского сада, будто ожидая, что кто-то оттуда всё же передумает и вернёт ему на голову то самое, короткое, но такое приятное ощущение капитанского мостика.

Единственным существом в группе, к которому Виктор чувствовал что-то вроде родственной души, оказался хомяк по кличке Пушок, живший в клетке у окна вместе с колесом для бега. Пушок целыми днями бегал внутри своего колеса, старательно перебирая лапками, отчего колесо крутилось всё быстрее и быстрее, но сам хомяк при этом оставался ровно на том же самом месте, ни на сантиметр не приближаясь к краю клетки.

Виктор подолгу простаивал у клетки, глядя на Пушка с тем особым вниманием, с каким смотрят на что-то важное, ещё не до конца понятное, но явно имеющее к тебе прямое отношение. Он не мог бы объяснить, что именно его так завораживает в этой картине — бегущий изо всех сил, но остающийся на месте зверёк, — но что-то внутри него, ещё задолго до всех будущих потрясений взрослой жизни, отмечало эту сцену как важную, будто откладывало её на потом, до времени, когда сходство станет уже слишком очевидным, чтобы его игнорировать.

Иногда Зинаида Романовна разрешала желающим покормить Пушка морковкой через прутья клетки, и Виктор всегда вызывался первым, хотя остальные дети давно потеряли интерес к этому занятию, предпочитая более шумные игры. Он просовывал кусочек морковки между прутьями и терпеливо ждал, пока хомяк не спеша слезет с колеса, обнюхает угощение и утащит его к себе в домик, чтобы съесть там, в темноте, подальше от посторонних глаз. Тогда колесо ещё некоторое время покачивалось само по себе, постепенно замедляясь, и в этой остановке было что-то умиротворяющее — как будто зверёк заслужил короткую передышку, и никто не собирался ему в этом мешать.

Домой в тот день Виктора забирал отец — редкий случай, потому что обычно этим занималась бабушка, но у Антонины Кузьминичны в тот вечер разболелась спина. Василий Игоревич, всё такой же взмокший и слегка растерянный, каким его помнили ещё по видеозвонку из роддома, взял сына за руку и повёл к остановке автобуса.

Пока они ждали автобус, мимо прошла пожилая женщина с внучкой, и девочка, увидев Виктора, громко спросила бабушку, почему у мальчика нет пилотки, на что бабушка с достоинством ответила, что мальчикам пилотки без надобности, у них своя дорога в жизни. Виктор слушал этот разговор молча, разглядывая носки собственных ботинок, и думал о том, что за один день успел услышать эту мысль в трёх разных вариантах — от заведующей, от воспитательницы и теперь ещё от случайной прохожей, — и от этого мысль почему-то не становилась ни понятнее, ни справедливее, а только прочнее укладывалась куда-то в самую глубину, туда, где обычно оседают вещи, с которыми уже бесполезно спорить.

— Ну как, сынок, — спросил отец по дороге, — понравилось в садике?

— Понравилось, — соврал Виктор, потому что чувствовал: отцу и без того хватает забот, чтобы ещё выслушивать историю про башню, кубик в носке и хомяка в колесе.

— Молодец, — сказал Василий Игоревич с явным облегчением, и остаток пути они прошли молча, каждый думая о своём: Виктор — о зелёном кубике, который так и не решился оставить себе, а Василий Игоревич — о том, что дома его наверняка ждёт очередная распечатанная таблица дежурств с новыми пунктами, которые тоже никто не собирался с ним обсуждать.

А где-то внутри головы Виктора, в самой глубине ещё не окрепшей, но уже начинающей формироваться личности, тихо, почти неслышно, набирался опыта Олег — записывая себе на будущее, что рекомендация «отойти в сторону и не мешать» сегодня сработала неплохо, а значит, вполне может пригодиться ещё не раз.

Глава третья. Урок «Основы женской логики»

К четырнадцати годам Виктор Пашин превратился в долговязого подростка с торчащими во все стороны вихрами, вечно смущённым выражением лица и первыми, ещё робкими признаками того, что взрослые вокруг деликатно называли переходным возрастом, а сам Виктор про себя называл полной внутренней неразберихой.

Школа номер одиннадцать, куда его определили ещё в первом классе, ничем особенным не выделялась среди прочих учебных заведений города, если не считать одной особенности учебного плана, которой директриса, Валентина Тимофеевна, искренне гордилась и о которой охотно рассказывала на родительских собраниях: с седьмого класса в расписании появлялся отдельный предмет под названием «Основы женской логики», обязательный для всех учащихся без исключения, вне зависимости от пола.

— Понимание женской логики, — объясняла Валентина Тимофеевна на очередном собрании, поправляя форменную директорскую пилотку с двумя рядами золотого шитья, — это фундамент, на котором строится вся дальнейшая жизнь любого человека в нашем обществе. Девочки изучают этот предмет, чтобы укреплять и развивать врождённые способности. Мальчики — чтобы вовремя эти способности распознавать и не мешать им проявляться.

Учебник по этому предмету, тонкая брошюра в мягкой обложке, состоял в основном из примеров правильного и неправильного поведения, изложенных в виде коротких историй с моралью в конце. Виктор особенно хорошо запомнил историю про мальчика, который посмел поправить девочку, ошибившуюся в решении задачи у доски, и в результате получил не пятёрку за правильность, а замечание за подрыв авторитета — мораль истории гласила, что нет ничего важнее, чем вовремя промолчать.

Преподавала предмет Клара Витальевна, женщина преклонных лет, проработавшая в школе, по слухам, ещё с тех времён, когда сам предмет только вводили в программу и учебников для него попросту не существовало, так что Клара Витальевна опиралась в основном на собственный многолетний жизненный опыт. Однажды на уроке она разбирала с классом гипотетическую ситуацию: мальчик и девочка вместе готовят доклад, но мальчик выполняет большую часть работы, потому что девочке, по её собственным словам, «некогда, много других важных дел».

— Как должен поступить мальчик? — спросила Клара Витальевна, обводя взглядом класс.

Один из мальчиков, сидевший на задней парте, неуверенно поднял руку и предположил, что стоило бы поделить работу поровну.

— Неверно, — отрезала Клара Витальевна с той твёрдостью, с какой обычно исправляют не ошибку в задаче, а ошибку мировоззрения. — Мальчик должен доделать доклад качественно и вовремя, потому что оценка за доклад ставится на двоих, а способность девочки распределять приоритеты — это отдельный, куда более ценный навык, который в будущем принесёт пользу обществу. Умение мальчика подстроиться и не создавать девочке лишний стресс — это и есть настоящая командная работа.

Класс дисциплинированно записал определение командной работы в тетради, и Виктор, тогда ещё не знавший, что жизнь очень скоро предоставит ему прекрасную возможность применить эти знания на практике, добросовестно законспектировал всё, вплоть до последнего слова.

Именно на уроке этого самого предмета, в один из последних дней сентября, Виктор впервые по-настоящему обратил внимание на Лену Соколову, сидевшую через два ряда впереди. Лена и раньше, разумеется, существовала в его жизни — они учились в одном классе с первого сентября первого класса, — но существовала как-то фоново, среди прочих одно-

классниц, пока однажды на перемене она не повернулась, чтобы попросить у кого-то ластик, и Виктор вдруг обнаружил, что не может отвести взгляд от того, как солнечный свет из окна падает на её волосы, выбивающиеся из-под форменной ученической пилотки нежно-сиреневого цвета, положенной всем девочкам старших классов их школы.

С этого момента жизнь Виктора приобрела новый, доселе неизвестный смысл. Он стал приходить в школу на пятнадцать минут раньше положенного, чтобы как бы случайно оказаться в коридоре в тот самый момент, когда Лена выходит из раздевалки. Он стал внимательнее относиться к собственному внешнему виду, что для четырнадцатилетнего подростка означало примерно то же самое, что для взрослого человека — генеральный ремонт квартиры. А ещё он начал советоваться с Олегом — точнее, пытаться советоваться, потому что Олег к тому моменту уже вполне освоил дар речи, но толку от этого дара было немного.

«Как думаешь, ей нравятся ромашки или розы?» — мысленно спрашивал Виктор, разглядывая через дорогу цветочный киоск возле школы.

«Рекомендация: приобрести гвоздики, — немедленно откликнулся Олег с той характерной уверенностью, с какой давал советы, не имеющие никакого отношения к заданному вопросу. — Дополнительная информация: гвоздики устойчивы к перепадам температуры и дольше сохраняют товарный вид в холодное время года».

«Я не про товарный вид спрашиваю», — мысленно вздыхал Виктор.

«Уточнение принято. Рекомендация прежняя: гвоздики», — невозмутимо отвечал Олег, и на этом разговор, как правило, заканчивался, потому что спорить с собственным вживлённым с рождения помощником было делом не только бессмысленным, но и слегка неловким, особенно если делать это посреди школьного коридора, изображая на лице глубокую задумчивость перед стендом с расписанием уроков.

В конце концов Виктор всё же остановился на скромном букетике ромашек, купленном на карманные деньги, которые полагалось откладывать по строгому семейному графику, составленному матерью.

Перед тем как решиться на цветы, Виктор поделился своими планами с лучшим другом Димкой — соседом по парте и единственным человеком в классе, с кем можно было обсуждать подобные вещи без риска, что об этом узнает половина школы к следующей перемене.

— Дурак ты, Витёк, — сказал Димка со знанием дела, хотя сам был всего на полгода старше и в личной жизни не мог похвастаться ничем существеннее короткой переписки с девочкой из соседнего двора. — Вот увидишь, она тебя потом ещё и с математикой мучить заставит, помани моё слово.

— С чего ты взял? — спросил Виктор, немного уязвлённый таким пророчеством.

— Так всегда бывает, — пожал плечами Димка с видом бывалого философа. — Сначала цветы, потом домашка, потом ты уже и не мальчик вовсе, а секретарь с букетом.

Виктор тогда только отмахнулся от этого предсказания, посчитав его обычным подростковым ворчанием, и решил вручить цветы в один из вторников, после урока той самой «Женской логики», подкараулив Лену у гардероба.

— Это тебе, — сказал он, протягивая букет и стараясь, чтобы голос не дрожал слишком заметно.

Мимо как раз проходила пара старшеклассниц, и одна из них, заметив сцену, тихонько толкнула локтем подругу — обе прыснули и, не сбавляя шага, скрылись за поворотом коридора. Виктор почувствовал, как у него начинают гореть уши, но отступать было уже поздно.

Лена приняла цветы с той спокойной естественностью, с какой принимают положенное по расписанию — не удивившись, не смутившись, вообще не проявив никаких эмоций, которые Виктор, признаться, тайно надеялся увидеть.

— Спасибо, — сказала она, тут же перекладывая букет в свободную руку, чтобы не мешал застёгивать портфель. — Слушай, а ты как, силен в математике? У нас домашка сложная, я вообще не понимаю, что там от нас хотят.

Виктор, всё ещё находясь под впечатлением от собственной смелости, с готовностью закивал.

— Конечно, помогу, — сказал он, и в этот момент внутри его головы прозвучал очередной комментарий Олега, на этот раз на удивление уместный, хотя и запоздалый: «Предупреждение: возможна асимметрия во взаимном обмене усилиями. Рекомендация: уточнить условия сотрудничества заранее». Виктор, разумеется, этой рекомендации не услышал по настоящему — то есть услышал, но пропустил мимо ушей с той же лёгкостью, с какой пропускал мимо ушей утренние напоминания матери о необходимости застилать постель.

Следующие несколько дней прошли в приятной, почти семейной суете: Виктор после уроков заходил к Лене домой, разворачивал на кухонном столе учебник и старательно, шаг за шагом, объяснял ей логику решения задач, чувствуя себя при этом кем-то вроде наставника, что было для него совершенно новым и оттого особенно приятным ощущением.

В понедельник он битый час объяснял ей систему уравнений, рисуя на черновике одну схему за другой, пока Лена, подперев щеку рукой, слушала с видом человека, искренне поглощённого процессом познания. Во вторник, когда дело дошло до более сложной темы, Лена внезапно вспомнила, что ей нужно ещё успеть на тренировку, и попросила Виктора «на всякий случай» сразу набросать решения на отдельном листочке — «чтобы было, с чем сверяться дома, если не получится самой». Виктор, не увидев в этой просьбе ничего подозрительного, с готовностью взялся за дело и провозился до позднего вечера, зато в среду Лена явилась в школу с уже полностью готовой домашней работой, переписанной аккуратным почерком, и выражением лица человека, действительно во всём разобравшегося самостоятельно.

Лена слушала внимательно, кивала, иногда переспрашивала, а один раз даже сказала, что у него удивительно понятно получается объяснять — после этой фразы Виктор ходил окрылённый добрых полтора дня, напрочь забыв про мрачное пророчество Димки насчёт секретаря с букетом.

Развязка наступила в четверг, на контрольной работе. Учительница математики, Ольга Степановна, выдала классу задания, и Виктор, уже привычно, быстро справился со своим вариантом, после чего, пользуясь тем, что учительница отвлеклась на разговор с завучем в дверях, тихонько подсказал Лене решение через проход между партами.

Результаты объявили через два дня. Лена получила отличную оценку и заслуженную похвалу учительницы перед всем классом за «явный прогресс и самостоятельную работу над ошибками» — Ольга Степановна даже привела её в пример остальным девочкам, отметив, что усидчивость и трудолюбие всегда дают результат. Класс дружно похлопал, а Лена скромно опустила глаза, будто и вправду провела последнюю неделю за учебниками, а не на кухне за чужой спиной.

Виктор тоже получил свою оценку — правда, не за контрольную работу, а в виде отдельной записи, аккуратно внесённой классным руководителем в дневник синими чернилами: «Отвлекал будущего лидера от учебного процесса во время проведения контрольной работы».

Формулировка показалась Виктору смутно знакомой, хотя вспомнить, откуда именно, он тогда так и не смог — просто что-то похожее он, кажется, слышал очень давно, чуть ли не в раннем детстве, и сходство это отозвалось где-то в глубине сознания неприятным, слегка тревожным узнаванием, как бывает, когда слышишь старую колыбельную и не можешь вспомнить слова, но чувствуешь мелодию всем телом.

Дома вечером мать, изучив запись в дневнике, отреагировала на удивление спокойно — куда спокойнее, чем ожидал Виктор, готовившийся к серьёзному разговору.

— Замечание за подрыв учебного процесса — это, конечно, неприятно, — сказала Маргарита, откладывая дневник в сторону, — но само по себе неплохо, что ты помог однокласснице реализовать её потенциал. Главное, чтобы это не повторялось в ущерб твоей собственной успеваемости.

— А если бы наоборот, — не удержался Виктор, — если бы это она мне помогала, тоже было бы просто «неплохо»?

Маргарита взглянула на сына так, будто он спросил что-то не то чтобы неприличное, но точно неуместное — вроде вопроса, почему борщ варят именно из свёклы.

— Это разные вещи, Виктор, — сказала она наконец, тем тоном, каким обычно закрывают тему, не желая её дальше развивать. — Она — будущий лидер, ей нужна поддержка коллегтива. Ты — будущий инженер, тебе нужна практика. Вот ты её и получил.

Виктор хотел было возразить, что дело вовсе не в реализации чужого потенциала, а в том, что сам он остался ни с чем, но вовремя вспомнил урок из учебника «Основ женской логики» про мальчика у доски и решил промолчать — благо, эта наука в его случае усваивалась куда быстрее, чем алгебра.

На следующий день в школе Лена, встретив его в коридоре, поблагодарила ещё раз, уже более тепло, и даже предложила в качестве ответной любезности одолжить свои конспекты по литературе, если ему когда-нибудь понадобится. Виктор поблагодарил, забрал конспекты, честно переписал из них несколько цитат для собственного сочинения, а после уроков долго сидел на школьном крыльце, глядя, как Лена садится в машину за старшей сестрой, которая заехала её забрать, и пытался понять, что именно он чувствует — вроде бы и не обиду в чистом виде, но и благодарностью это назвать язык не поворачивался.

«Анализ ситуации завершён, — сообщил в этот момент Олег, судя по всему, наконец обработав накопленные за неделю данные. — Вывод: соотношение затраченных усилий и полученного результата асимметрично в пользу второй стороны. Рекомендация на будущее: пересмотреть критерии выбора объекта помощи».

«Спасибо, что вовремя», — мысленно, не без сарказма, ответил Виктор, поднимаясь с крыльца.

«Обращайтесь», — невозмутимо отозвался Олег, ничуть не смутившись очевидного опоздания собственного анализа, и на этом, собственно, инцидент можно было бы считать исчерпанным, если бы не одна маленькая деталь, которую Виктор тогда заметил, но не придал ей особого значения: та самая формулировка из дневника — «отвлекал будущего лидера» — засела в памяти прочнее, чем хотелось бы, и в последующие годы будет всплывать снова и снова, каждый раз в новой форме, но с одним и тем же, уже узнаваемым смыслом.

Дома в тот вечер, лёжа на кровати и разглядывая трещину на потолке, повторяющую форму какого-то смутно знакомого профиля, Виктор впервые в жизни задумался — пока ещё очень робко, не облекая мысль в слова, — о том, что вся эта конструкция вокруг него, начиная с детского сада и заканчивая сегодняшним дневником, устроена по какому-то общему, повторяющемуся принципу, который он пока не мог сформулировать, но уже начинал смутно различать, как различают в тумане очертания знакомого здания, не видя ещё ни вывески, ни окон.

На следующее утро в школьном коридоре Димка, узнав про запись в дневнике, не удержался от короткого, но выразительного комментария.

— Ну что, — сказал он, хлопнув Виктора по плечу с видом человека, чьё пророчество полностью подтвердилось, — я же говорил. Секретарь с букетом.

— Не секретарь, — возразил Виктор без особой уверенности в голосе. — Просто помог.

— Ну да, — согласился Димка с той иронией, на какую способны только четырнадцатилетние подростки, уверенные в собственной житейской мудрости. — А замечание в дневнике за это ты, значит, просто так получил, бесплатным бонусом.

Возразить на это Виктору было нечего, и остаток пути до кабинета они прошли молча, каждый по-своему довольный итогами разговора: Димка — тем, что оказался прав, а Виктор — тем, что хотя бы было кому пожаловаться, пусть и в столь ироничной форме.

За окном темнело, где-то во дворе перекликались младшие дети, а Виктор так и лежал, глядя в потолок, пока мать не позвала его ужинать — тем же голосом, каким когда-то давно, в другой жизни, произносила слово «готово» над только что разложенным по кварталам планом его собственного будущего.

Глава четвёртая. Первый опыт «Пилотирования»

К десятому классу Виктор Пашин прочно закрепился в статусе тихого, старательного, ничем не примечательного ученика — из тех, кого учителя ставят в пример за поведение, но никогда не вспоминают первыми, составляя список кандидатов на школьную олимпиаду. История с Леной давно превратилась в далёкое, слегка неловкое воспоминание, а сам Виктор к шестнадцати годам вырос, раздался в плечах и обзавёлся тем особым выражением лица, какое бывает у подростков, привыкших постоянно немного извиняться за факт собственного существования.

Учебная программа к этому времени успела заметно усложниться: помимо привычных предметов появился новый курс под названием «Основы семейного планирования для будущих исполнителей», где мальчикам старших классов подробно рассказывали о грамотном распределении семейного бюджета — с упором на то, что распределять его будет, разумеется, не сам исполнитель, а совсем другой член семьи, чью волю следовало научиться угадывать заранее, чтобы не создавать лишних неудобств. Виктор конспектировал эти лекции с прилежанием отличника, ещё не подозревая, что очень скоро сможет применить полученные знания на практике, причём куда раньше, чем предполагала школьная программа.

Марину он встретил случайно, на вечеринке у Димкиной троюродной сестры, куда его затащили почти силой, пообещав, что там будет «нормальная компания», хотя нормальной компанией в понимании шестнадцатилетних мальчиков в тот вечер оказались три ящика лимонада, магнитофон с одной и той же кассетой на повторе и десяток старшекласников, толком не знающих, чем себя занять.

Марина была на два года старше — уже заканчивала школу, готовилась к поступлению и держалась с той спокойной уверенностью, которая всегда производит на младших сильное впечатление, вне зависимости от того, чем эта уверенность на самом деле подкреплена. Пилотка у неё была тёмно-бордовая, с изящной вышивкой по краю — такую полагалось носить девушкам выпускных классов, — и сидела она чуть набок, ровно настолько, чтобы выглядеть не небрежно, а стильно, будто вопрос посадки форменного головного убора был для Марины делом продуманной стратегии, а не случайности.

Виктор в тот вечер держался у стены, рассматривая случайных гостей и мучительно сообщая, в какой момент можно будет незаметно уйти домой, не обидев хозяйку вечеринки. Именно в такой момент, когда он окончательно решился на побег и уже нащупывал в кармане ключи от квартиры, к нему и подошла Марина — уверенно, будто заранее выбрала его из толпы за что-то, чего сам Виктор в себе даже не подозревал.

— Ты чей будешь? — спросила она, подойдя к Виктору, который в этот момент как раз безуспешно пытался понять, что делать с бумажным стаканчиком лимонада, чтобы это не выглядело так, будто он единственный трезвый человек на празднике жизни.

— Пашин, — ответил Виктор, зачем-то представившись фамилией, как на школьной переключке, отчего сам же почувствовал себя глупо.

Марина рассмеялась — не обидно, скорее весело, — и с этого смеха, собственно, всё и началось.

За следующие пару недель Виктор с изумлением обнаружил, что в его жизни появился человек, который точно знает, что нужно делать. Марина позвонила ему на домашний телефон уже на третий день после вечеринки и деловито поинтересовалась его расписанием на выходные, после чего сообщила, что в субботу они идут в кино — не спрашивая, хочет ли он, а просто ставя перед фактом, как ставят перед фактом расписание уроков. Трубку в тот вечер снимал отец, и, передавая её Виктору, он с лёгким недоумением заметил, что голос у девушки

на другом конце провода до странности деловой, будто она не свидание назначает, а согласовывает график поставок.

— В той куртке, что ты был на дне рождения, не ходи больше никуда, — сказала она однажды, критически оглядев Виктора с ног до головы. — Она тебя старит. Давай съездим в субботу, я подберу что-нибудь получше.

Виктор, никогда прежде не задумывавшийся о том, старит его куртка или молодит, послушно согласился, и в ближайшую субботу они действительно поехали по магазинам, где Марина со знанием дела перебирала вешалки, безошибочно определяя, что ему пойдёт, а что нет, а Виктор покорно мерил всё, что она протягивала, чувствуя себя одновременно неловко и — что было куда более неожиданным открытием — приятно польщённым тем вниманием, с каким она подходила к, казалось бы, совершенно пустяковому делу.

В примерочной, разглядывая себя в зеркале в очередной рубашке, которую Марина назвала «то, что нужно», Виктор поймал себя на мысли, что уже почти не помнит, что предпочитал носить сам, когда одевался без чьей-либо подсказки — оказалось, что за прошедшие недели этот вопрос попросту перестал казаться ему важным, а собственные вкусы тихо, без всякого сопротивления, растворились в чужих, более уверенных суждениях.

Вскоре похожая опека распространилась не только на гардероб. Марина заметила, что Виктор слишком много времени проводит с Димкой, которого она без обиняков назвала «бесперспективным», и настойчиво посоветовала присмотреться к более серьёзной компании — в результате чего Виктор, сам не заметив как, стал реже видаться со старым другом и чаще проводить время в обществе Марининых знакомых, людей взрослых, уверенных в себе и не всегда понятных ему до конца.

Димка, впрочем, без боя сдаваться не собирался. Однажды на перемене, поймав Виктора у столовой, он без всяких предисловий спросил:

— Ты вообще ещё существуешь, Витёк, или тебя теперь по расписанию выдают?

— Не говори ерунды, — отмахнулся Виктор, чувствуя, впрочем, что в шутке друга есть доля правды, признавать которую вслух ему не хотелось. — Просто у меня сейчас много всего.

— Ага, много всего, — повторил Димка с той же интонацией, с какой когда-то предсказывал историю с секретарём и букетом. — Смотри, Витёк, как бы это «многое всё» тебя самого не заменило в итоге.

Виктор отшутился, пообещал на днях зайти в гости, как раньше, но обещание это так и осталось невыполненным — то на выходных находились планы с Мариной, то на неделе не хватало времени, — и постепенно, без единой громкой ссоры, дружба, продержавшаяся почти десять лет, тихо сошла на нет, как сходит на нет разговор по телефону, когда обе стороны просто перестают перезванивать.

Она же решила, что ему стоит записаться на секцию бокса — «для мужского характера», как она выразилась, — и сама лично отвела его в спортивный зал, договорилась с тренером и даже, кажется, немного переплатила за первый месяц занятий, о чём Виктор узнал случайно, подслушав разговор в раздевалке.

— Я тебя веду, — сказала однажды Марина с довольной улыбкой, когда они шли по улице после очередного похода за покупками, и она в этот момент как раз поправляла на нём воротник только что купленной рубашки, придирчиво оценивая результат. — Через год тебя будет не узнать.

Внутри головы Виктора в этот момент что-то едва заметно шевельнулось, как шевелится под кожей заноза, о которой на время забыл, — но шевельнулось и затихло, не оформившись ни в мысль, ни тем более в слова.

«Зафиксировано новое слово в контексте межличностных отношений, — деловито сообщил Олег чуть позже тем же вечером, когда Виктор уже лежал в постели, разглядывая потолок. — Термин «вести» ранее встречался в профессиональной документации по управлению тех-

ническими объектами. Рекомендация: уточнить смысловое совпадение при появлении дополнительных данных».

«Ты про что вообще?» — мысленно уточнил Виктор, слишком уставший после тренировки, чтобы вникать в тонкости словарного запаса собственного помощника.

«Информация принята к сведению. Возврат к режиму ожидания», — невозмутимо отозвался Олег, и больше в тот вечер разговор не продолжился.

Первые месяцы Виктор искренне наслаждался новым положением дел. Быть предметом чьей-то заботы, пусть и настолько требовательной, оказалось куда приятнее, чем быть предоставленным самому себе, как это было большую часть его прежней жизни. Марина водила его на встречи со своими друзьями, представляла всем как «своего мальчика» — фраза эта поначалу звучала для Виктора почти нежно, и лишь потом, задним числом, он начал замечать в ней оттенок принадлежности, привычный для описания вещи, а не человека. Она же следила за его успеваемостью, звонила его классному руководителю узнать про домашние задания, если Виктор, по её мнению, выглядел уставшим, и вообще относилась к его жизни с той же деловой хваткой, с какой относилась ко всему остальному.

Трещина обнаружилась не сразу и не в результате какого-то одного громкого события, а постепенно, тонкими, почти незаметными слоями, как ржавчина, которая появляется задолго до того, как в металле образуется настоящая дыра. Виктор ещё долго потом будет вспоминать эти месяцы как время, когда всё вроде бы шло хорошо, и лишь задним числом, оглядываясь назад, замечал в этом благополучии множество мелких трещин, каждую из которых по отдельности легко было списать на случайность.

Началось всё с карманных денег. Отец, следуя семейной традиции, выдавал Виктору небольшую сумму каждую неделю на личные расходы, и первое время эти деньги благополучно уходили на кино, мороженое и редкие подарки Марине по случаю разных не слишком значительных поводов, которые она умела находить с завидной регулярностью. Постепенно, впрочем, поводы начали множиться, суммы — расти, а расходы — приобретать всё более специфический характер.

Постепенно, впрочем, поводы начали множиться, суммы — расти, а расходы — приобретать всё более специфический характер. То требовался билет на концерт какой-то малоизвестной группы, которую Марина внезапно горячо полюбила, то срочный подарок для подруги, которая как раз выходила замуж, то абонемент в бассейн, куда Марина собиралась записаться «для здоровья», но так ни разу и не сходила, зато деньги за первый месяц вперёд были уже уплачены и, разумеется, невозвратны.

— Мне очень нужны новые туфли, — сказала Марина однажды, показывая Виктору фотографию на экране телефона, — вот эти, бордовые, под цвет пилотки, представляешь, как будет красиво. Только денег немного не хватает, я откладывала, но не рассчитала.

Виктор, не привыкший отказывать, отдал недостающую сумму, не особенно задумываясь — тем более что копил он именно для подобных случаев, во всяком случае, ему так казалось. Через две недели похожая ситуация повторилась с сумкой, ещё через месяц — с абонементом на какие-то курсы, о содержании которых Виктор так толком и не узнал, потому что расспрашивать было как-то неловко, будто это ставило под сомнение серьёзность их отношений.

К концу учебного года Виктор с некоторым удивлением обнаружил, что его карманные деньги, которые прежде благополучно накапливались неделя за неделей, теперь исчезают практически сразу, едва попав к нему в руки, и почти всегда — на нужды, которые оказывались нуждами Марины, а не его собственными. Копилка, которую он завёл ещё в детстве специально для того, чтобы однажды купить себе давно присмотренный велосипед, так и осталась наполовину пустой, потому что каждый раз, когда там начинала скапливаться сколько-нибудь заметная сумма, находился повод её опустошить.

Развязка наступила самым будничным, почти анекдотическим образом — во время очередной ссоры из-за тех самых бордовых туфель, которые, как выяснилось, за прошедшие месяцы успели порваться, и Марина, ничуть не смущаясь, попросила денег на новую пару, точно такую же.

— Марина, у меня просто больше нет, — сказал Виктор, впервые за всё время их знакомства произнося что-то похожее на отказ, хотя голос его при этом предательски дрогнул. — Я на велосипед копил, если ты забыла.

— Ты серьёзно сейчас про велосипед, когда у меня туфли порвались? — спросила Марина с таким искренним недоумением, будто Виктор предложил ей выбирать между обувью и стихийным бедствием.

— Я просто говорю, что у меня действительно ничего не осталось, — попытался объяснить Виктор, чувствуя, как с каждым словом его решимость понемногу тает под её пристальным, чуть прищуренным взглядом.

— Странно это слышать от человека, который меня вроде как ведёт, — заметила Марина с лёгкой, но вполне отчётливой обидой в голосе, хотя ещё пару месяцев назад именно она произносила эти слова, причём в совершенно противоположном смысле.

Виктор растерянно молчал, не находя, что ответить, а Марина, истолковав его молчание как согласие подумать над проблемой, тут же продолжила перечислять преимущества именно этой модели туфель и удобные варианты рассрочки в магазине.

И вот тогда, глядя на неё — уверенную, спокойную, привычно уже раскладывающую по полочкам его будущие траты, — Виктор впервые за долгое время отчётливо, без всякой посторонней подсказки, произнёс про себя фразу, которая с этого момента застряла в нём надолго, будто заноза, о которой он всё это время старательно забывал:

«Я не пилот. Я — дрон».

Мысль эта пришла не торжественно, не под звуки внутреннего оркестра, а буднично, почти между делом, как приходит осознание, что автобус, на который ты рассчитывал, уже ушёл, а следующий будет только через полчаса. Никакого катарсиса, никакого облегчения — просто холодная, слегка неприятная ясность, поселившаяся где-то в районе солнечного сплетения и никуда не собирающаяся уходить.

«Формулировка зафиксирована», — тихо отозвался Олег где-то в глубине сознания, и, против обыкновения, никакой рекомендации на этот раз не последовало — то ли потому что ситуация оказалась слишком сложной для стандартного протокола, то ли потому что даже Олег, при всей своей неуклюжести, понимал: некоторые вещи человеку полезнее додумать самому.

Домой в тот вечер Виктор возвращался пешком, хотя обычно они с Мариной ехали на автобусе вместе, и по дороге, глядя на витрины закрытых уже магазинов, впервые задумался о том, что где-то в этой цепочке — детский сад, школа, Лена, теперь вот Марина — прослеживается закономерность, которую он пока не мог назвать словами, но уже отчётливо чувствовал её вес, будто нёс в кармане что-то тяжёлое и не до конца понятное, о существовании чего минуту назад даже не подозревал.

Дома, уже лёжа в постели, он машинально пересчитал в уме, сколько всего денег утекло за последние месяцы, и итоговая сумма — сложенная из туфель, билетов на концерт, подарка для чужой свадьбы и невозвратного абонемента в бассейн — оказалась настолько внушительной, что о велосипеде, судя по всему, можно было забыть до следующего лета, а то и дольше. Мысль эта не вызвала в нём ни злости, ни особого удивления — только всё ту же ровную, холодную ясность, с которой он уже начинал понемногу свыкаться.

Утром, по дороге в школу, он неожиданно для себя свернул не в ту сторону, к дому Димки, но, дойдя до знакомого подъезда, так и не решился подняться, постоял немного у входа

и пошёл дальше — то ли постеснявшись объяснять, что вообще-то соскучился, то ли просто не зная, с чего начать разговор после стольких месяцев молчания.

Глава пятая. Университет. Специальность «Оператор-ассистент»

Технический университет, куда Виктор Пашин поступил после школы, готовил инженеров вот уже без малого сто лет, и за это время накопил внушительную коллекцию традиций, часть которых была прописана в официальном уставе, а часть существовала исключительно в виде негласных правил, передаваемых от одного поколения студентов к другому вместе с конспектами и списками экзаменационных вопросов.

Официально факультет, на который поступил Виктор, назывался факультетом промышленной автоматики, но неофициально, в разговорах между собой, студенты давно окрестили его «фабрикой ассистентов» — потому что подавляющее большинство выпускников этого факультета, независимо от пола, распределялись впоследствии по одной и той же карьерной траектории, только для юношей эта траектория была прописана куда более определённо и заранее.

В общежитии, где Виктор поселился с первого курса, эта закономерность обсуждалась открыто и без всякого стеснения — старшекурсники охотно делились с новичками статистикой прошлых лет, из которой следовало, что за последние десять выпусков ни один юноша факультета не занял руководящую должность выше начальника технического отдела, зато почти каждая выпускница, получившая диплом с отличием, к тридцати годам успевала обзавестись собственным кабинетом и минимум одним личным ассистентом мужского пола. Статистику эту передавали из уст в уста с той же обречённой иронией, с какой пересказывают старую поговорку, смысл которой давно всем понятен, но изменить которую никому не под силу.

— Специальность у вас, молодые люди, замечательная, — объяснял первокурсникам декан факультета, Пётр Аркадьевич, мужчина в годах, чья должность, впрочем, была скорее почётной синекурой, чем реальным центром власти, потому что все ключевые решения на факультете принимала заместитель декана по учебной работе, женщина энергичная и в форменной пилотке с четырьмя золотыми полосками, полагающимися только руководителям такого ранга. — Называется она «оператор-ассистент», и это не понижение, а совсем наоборот, это фундамент, на котором строится вся дальнейшая инженерная мысль. Просто мыслить будете вы, а строить — те, кому это положено по должностной инструкции.

Сам Пётр Аркадьевич, к слову, занимал свою должность вот уже пятнадцать лет и за всё это время, по общему мнению студентов, не подписал самостоятельно ни одного важного документа, предпочитая на всякий случай согласовывать каждую бумагу с заместителем — привычка, которую он в шутку объяснял желанием «не создавать лишней бюрократии», хотя все понимали истинную причину куда яснее, чем сам декан, возможно, готов был признать вслух.

Виктор слушал эту вступительную речь с прилежным вниманием, как слушал в своё время учебник «Основ женской логики», и старательно конспектировал, хотя смысл сказанного уловил не сразу, а лишь спустя пару месяцев учёбы, когда стал замечать, что на всех практических занятиях девушек-однокурсниц готовят к самостоятельному руководству проектами, тогда как юношей — к грамотному документированию чужих идей и своевременной подаче необходимых материалов на подпись.

Учился Виктор, надо сказать, увлечённо и по-настоящему хорошо. У него обнаружился редкий для факультета дар: он умел видеть техническую проблему целиком, схватывать её суть буквально с полувзгляда и предлагать решения, до которых однокурсники добивались долгими окольными путями, а иногда не добивались вовсе. На лабораторных работах он нередко замечал ошибку в схеме раньше, чем её успевал заметить сам преподаватель, и тактично, не привле-

кая лишнего внимания, указывал на неё соседям по столу, за что среди однокурсников быстро заслужил репутацию человека, к которому можно обратиться за помощью в любой момент, не боясь отказа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.